

Екатерина Неволina

Мертвая роза

Часть сборника
Мой возлюбленный vampire...
(сборник)

Екатерина Александровна Неволина

Мертвая роза

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=627385
978-5-699-41395-9: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-47439-4

Аннотация

Вампиры – таинственные, могущественные, опасные и невыразимо притягательные.

Что, если однажды ты встретишь одного из них и влюбишься без оглядки, навсегда?

Сможешь ли отказаться от родителей, друзей, привычной жизни?

Станешь ли вечной подругой Рыцарю Ночи?..

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Екатерина Неволина

Мертвая роза

*Я сотку себе крылья из звезд и зари,
Поднимусь, неба серую муть распоров.
Буду тысячи лет, до скончанья земли,
Я блуждать на границе времен и миров... ¹*

Он стоял в самом конце перехода, словно на сцене. Софитами были солнечные лучи, проникающие сюда с улицы, золотящие его светлые длинные до плеч волосы, яркими искорками вспыхивающие в удивительных, цвета густого гречишного меда глазах.

Сказать, что он был красив, – мало. Это слово истерто, точно старая, давно находящаяся в обращении монета, и не значит почти ничего, по крайней мере совершенно не отражает того, что было в этом молодом человеке. Того мягкого света, который, кажется, исходил от него. Он казался прекрасным и вместе с тем обреченно одиноким.

Тонкие, изящные пальцы бережно перебирали струны гитары. Молодой человек пел, и его мягкий теплый тенор согревал и вместе с тем пьянил, как старое дорогое вино. Он звал за собой в неведомые дали. Но, видимо, последовать этому зову мог не каждый, и люди проходили мимо. Занятые повседневными делами и мыслями, они словно не замечали распахнутой двери. Да и стоило ли ее замечать? Не дай бог,

заслушаешься и станешь таким же блаженным...

Молодой человек и вправду казался немного не от мира сего. Слишком красивый, слишком увлеченный. Глаза его сияли внутренним светом, а губы улыбались так, словно он и не замечал равнодушия окружающего мира. Хотя, скорее всего, так и было.

Его песни были очень странными. То грустные, то веселые, они, как и сам певец, казались чужими – будто их занесло в наш мир порывом всемогущего волшебного ветра. Занесло – и бросило здесь, прямо посреди грязного, истоптанного сотнями ног перехода.

Проходившая мимо рыжеволосая женщина, немолодая, с усталым лицом, вдруг остановилась и, открыв сумку, принялась копаться в кошельке. Не в ее привычках было подавать бездельникам-музыкантам, но тут сразу видно – случай совершенно особенный. Да и грех не заплатить за полученное удовольствие.

– Вот, – она протянула руку с зажатой в прокуренных, обтянутых желтоватой сухой кожей пальцах сотенной и только тут заметила, что перед парнем нет ни чехла от гитары, ни шляпы, ни какого бы то ни было приспособления для сбора пожертвований.

– Нет, что вы, спасибо, – он улыбнулся ей так ласково, что ее губы, почти отвыкшие улыбаться, растянулись в ответной улыбке. – Я здесь просто так, для удовольствия. А деньги вам

и самим нужны. Все будет хорошо, вы не волнуйтесь.

– Спасибо, – пробормотала она, отчего-то не чувствуя ни малейшей неловкости, и, кивнув молодому человеку, принялась подниматься по лестнице.

«Ангел, настоящий ангел», – шептала она себе под нос.

Глава 1

Снежный ком ее обид

Настя сидела в неудобном кресле, подтянув коленки к подбородку, и обреченно ждала прихода мамы. Все самое плохое, пожалуй, уже свершилось, и оставалось только принять удары судьбы со всем возможным мужеством и покорностью. Чувства вины и стыда вцепились в Настю, словно дикие звери, и вот теперь с наслаждением рвали ее в клочья.

«Ничего, все еще наладится. Сегодня просто не мой день», – пыталась успокоить себя девушка, в глубине души понимая, что ничего уже не наладится. Она не оправдала маминих надежд и к тому же опустила в собственных глазах ниже некуда.

– Усердие, Настенька, это еще не все, – сказала ей сегодня преподаватель музыки, полная усатая тетечка со странным именем Манана Гурамовна. – Благодаря современным достижениям науки сыграть на пианино может и робот, и сделает это гораздо точнее и техничнее тебя. От исполнителя требуются душа, эмоции! Ты, конечно, старательная девочка, но, увы, не вижу в тебе потенциала музыканта. К тому же ты в последнее время очень рассеянна, а потому, извини, не могу допустить тебя до участия в концерте.

– Как? – выдохнула Настя. Слова преподавателя показа-

лись ей ударом молнии, вдруг сверкнувшей в безоблачном небе.

– Увы, – Манана Гурамовна обреченно покачала головой, так что ее трехступенчатый бюст затрясся, словно желе. Насте стало противно, и она уставилась в пол, лишь бы не смотреть на учительницу.

– А может, я побольше... – робко выдавила она.

– Не может! – безжалостно отсекла учительница. – Музыкальную школу ты, конечно, окончишь нормально, но о какой-либо карьере пианистки даже не думай!

Интересно, кто сказал, что суровая правда лучше, чем сладкая ложь? Его бы сейчас на Настино место. Ей было ужасно обидно, но еще более того – стыдно перед мамой. То, что Настя станет пианисткой и будет выступать в полном восторженных зрителей зале, являлось главной маминной мечтой. Сама девочка к музыке не слишком тяготела. Во втором классе мама отвела ее к репетитору, а в третьем, усердно прозанимавшись целый год, Настя поступила в музыкальную школу. И началось... Гаммы, этюды Черни, полифонии Баха – и дальше, дальше, дальше...

На этот концерт мама рассчитывала особенно и даже досрочно заказала для дочери черное бархатное платье (обязательное, по ее мнению, для всех пианисток) и вынула из шкапки старую круглую брошь с камеей, принадлежавшую, кажется, еще Настинной бабушке. Теперь платье с приколотой к нему брошью торжественно висело в шкафу, ожидая дня

концерта.

Которого не будет.

Вернее, будет, но не для Насти.

В каком там году предрекали очередной конец света? Для Насти он наступит уже сегодня.

Словно в ответ на ее мысли из прихожей донесся скрежет ключа в замке двери. В предгрозовой тишине он показался девушке ударом грома.

Она выдохнула и приготовилась к худшему.

– Настенька, вот и я! – крикнула из прихожей мама. Разумеется, она еще ничего не знала. Даже не догадывалась, что ее умница-дочь потерпела неудачу. – Как дела, как в школе?

В школе все тоже было не очень. То есть с маминой точки зрения, может, и ничего, а вот с Настиной – полный отстой. Учеба, учеба, учеба! От Насти даже мальчишки шарахались! Один раз в жизни пригласили на дискотеку, а у нее в этот день, как и во многие другие, занятия в музыкальной школе. И что же? Не похоже, чтобы Пашку из параллельного одиннадцатого «А» это сильно расстроило. По крайней мере, он сумел скрыть огорчение и буквально за пять минут подыскал Насте замену. О Насте вспоминают в классе только тогда, когда требуется списать домашку или контрольную.

– Все нормально, мам, – привычно пробормотала Настя, собираясь для предстоящего разговора.

И он, конечно же, не замедлил последовать.

– Что-то не так? – Мама сняла сапоги и заглянула в ком-

нату. – Что это ты сидишь без света? – И она тут же включила лампу.

«Мам, не сердись, но у меня нет таланта...», «Мам, ты, конечно, всегда желала мне добра и хотела, чтобы из меня получилась пианистка, но, похоже, я из тех неудачников...», «Мам, мне сегодня сказали, что у меня нет ни души, ни эмоций, наверное, я зря ходила в музыкальную школу...» – вертелось на языке у Насти.

– Так, – протянула она, щурясь на яркий свет. – Ты же не расстроишься. Знаешь, с концертом... – горло сдавил спазм, и девушка замолчала, не в силах продолжить.

– Что с концертом? – Мама пошарила в кармане, извлекла оттуда сигарету и зажигалку и закурила. Она всегда курила, когда нервничала.

– Ты не волнуйся, как-нибудь в другой раз... – протянула Настя, пялясь в отвратительный цветной ковер у себя под ногами.

– Тебя не допустили к участию в концерте?! – Мама смотрела на дочь с презрением, словно обнаружила в ней какое-то уродство, которого отчего-то не замечала раньше, например лишнюю пару рук или второй нос.

Настя не ответила – что уж тут скажешь, все и так ясно.

– Та-ак, – мама присела на подлокотник дивана и выпустила изо рта густой клуб дыма.

«Словно извергающий пламя дракон», – неуместно подумалось Насте.

– Та-ак, – повторила мама. – Значит, все, что я делаю для тебя, тебе абсолютно не нужно. Может, я тебя слишком нагружаю, а? Может, ты вкалываешь, как Золушка, а по ночам еще скребешь сковородки и перебираешь горох и чечевицу? Ну скажи, а?

– Нет, – прошептала Настя, чувствуя себя уже совсем глупо.

– А раз «нет», то почему ты не можешь нормально выполнять тот минимум, который от тебя требуется?!

– Я... – Настино лицо побледнело, словно с него разом стерли все краски. – Я старалась, но... может, у меня просто нет способностей. Манана Гурамовна сказала...

– Тебе просто лень заниматься! Настоящие пианистки работают над собой ежедневно! Понимаешь! Это очень тяжелый труд! Вот сколько часов ты занималась сегодня?

– Я...

– Разъякалась! – Мама глубоко затянулась и выдохнула очередную порцию едкого дыма. – Стараться нужно! Или ты думаешь, у меня много денег, чтобы оплачивать твои бесполезные, да, именно бесполезные, занятия в музыкальной школе, а к тому же заказывать тебе дорогушие платья для концерта, на которые тебя в итоге не пускают?!

– Но я же не просила!..

– Ты бы лучше вообще помолчала!

И тут у Насти словно в голове сорвало последнюю гайку.

– Я и так все время молчу! – крикнула она, вскочив с крес-

ла. – Я устала от своего молчания! Мне надоело делать все, как ты хочешь! Есть же у меня право на собственную жизнь или нет?

– Настя! Что с тобой? – Мама удивленно смотрела на нее, а девушка уже бросилась в прихожую, сунула ноги в кроссовки и, схватив в охапку куртку, выскочила из квартиры.

Кровь тревожно пульсировала в висках, а в горле стоял горький ком.

«Да, я неудачница, но кто в этом виноват? Да, я невидимка, персона нон грата. Но почему я стала изгоем и кто же это, спрашивается, воспитал меня так? Кто постоянно твердил про то, что девушку украшают ум и скромность?! Вот хожу теперь такая разукрашенная, и никому, никому до меня нет дела! Ты бы только посмотрела на «хороших девочек» из нашей школы! Некоторые из них уже пьют и спят с мальчиками. Да, я тоже считаю, что ориентироваться на них глупо, но меня достало то, что на меня смотрят как на заумную идиотку!»

Настя бежала по лестнице, все еще продолжая мысленно вести диалог с матерью. Девушка с грохотом захлопнула за собой подъездную дверь, словно отсекая от себя всю прошлую жизнь. Она чувствовала, как жарко горят ее щеки. В груди тугой пружиной свернулась обида, так и рвущаяся наружу.

Холодный ноябрьский ветер – на календаре уже третье но-

ября, это вам не шутка – ударил Насте в лицо, немного приведя девушку в чувство. Она на секунду остановилась, жадно дыша студеным, напитанным влагой воздухом. Ей срочно требовалось что-то хорошее. То, что помогло бы ей отдышаться, залечить раны и начать, вернее, продолжить жить как прежде.

И она подумала о нем – о том мальчике из перехода... Его отчаянно грустных горчично-медовых глазах, светлых волосах, небрежно-длинных, тонких запястьях и потрясающем одиночестве. Настя не видела никого, кто был бы так же одинок среди толпы. Она смотрела на него уже третью неделю. Он приходил в переход не каждый день. Примерно два-три раза в неделю, с пяти до семи. Но каждый раз в это время она оказывалась там. Просто так, чтобы взглянуть на него, чтобы послушать глубокий голос и увидеть на бледной щеке густую тень от длинных ресниц.

Вот и сейчас после ужасной ссоры с матерью Настя направилась к заветному переходу.

В кармане куртки запиликал мобильник. Очевидно, мама докурила очередную сигарету и созрела для следующей порции нотаций. Настя сбросила звонок и отключила телефон. Разговаривать с матерью ей не хотелось. Ей вообще не хотелось ни с кем разговаривать. Разве хоть кто-то способен ее понять? Попробуйте поживите в трясине, засосавшей вас уже по самый подбородок, когда в вашей жизни ничего не меняется, вы тупо бультыхаетесь на месте, а ваши дни похо-

жи на бледные ксерокопии – и все, заметим, абсолютно бессмысленные. Мрак!

Да, Настя была примерной девочкой. Училась, ходила в свою долбаную музыкальную школу, а иногда тупо таскалась по улице с Соней Петровой – вовсе не потому, что они такие вот замечательные подружки, а потому, что у Сони тоже не было своей компании. С кем водиться изгоем – только с другим изгоем. Вместе с Соней они, должно быть, представляли умопомрачительное зрелище: две серые мышки, две бледные моли, две невидимки. Даже парни, тусующие на углу школы и задирающие всех проходящих мимо более-менее симпатичных девчонок, никогда не сказали им с Соней ни слова! Даже не окликнули ни разу! Нет, Насте они и даром не нужны, однако чувствовать себя невидимкой чертовски неприятно. Вроде и не урод. Лицо приятное, и волосы пшенично-рыжие, густые. А вот на лбу, наверное, огромная печать: «Я ИЗГОЙ! НЕ ПОДХОДИТЬ!» Горько и отвратительно.

Проезжавшая мимо огромная черная машина с ног до головы окатила ее водой из ближайшей лужи... Вытирая тыльной стороной ладони осевшие на лице брызги, девушка думала о том, как ненавидит их небольшой тихий городок – грязный и замшелый. Судя по всему, половину его населения составляли выходцы из среднеазиатских республик, половину – алкаши-неудачники. Казалось бы, всего полчаса на электричке от Москвы – а словно край мира. Северный полюс, утонувший в грязи и хамстве.

Настя, как могла, отряхнула джинсы и куртку и, поежившись, подошла к лестнице, ведущей под землю. Теперь спуститься и пройти переход насквозь. Тот мальчик с гитарой должен стоять на противоположной стороне. Скорее всего, сегодня он не придет. Во-первых, потому, что он был в понедельник, то есть позавчера, а во-вторых, если уж все сегодня пошло наперекосяк, вряд ли ей повезет увидеть его.

«Ничего. Главное – я подготовилась к неудаче и совсем не расстроюсь, если его там и вправду не будет», – сказала себе Настя. Обида на маму почти прошла. Вернее, девушка уже совершенно забыла о ней, охваченная другими чувствами. «Если он вдруг там, подойду к нему, улыбнусь и скажу «привет». Говорят, от одного слова еще никто не умирал», – решила Настя, топчась на верхней ступеньке.

Она, словно перед прыжком в воду, вдохнула побольше воздуха, пошла вниз и тут же услышала его голос.

Я последний из видевших этот мир в дни расцвета,
Я последний из помнящих к звездам истинный путь.
Изменилась земля. Нет уже прежних тени и света,
Нет героев, и люди живут просто так, как-нибудь.

Распахну свои крылья – вполмира, а может, вполнеба.
Поднимусь в небеса, облака оставляя вдали.
Я дракон с чешуей, что белее январского снега,
С сердцем чище, чем кровь из груди обожженной
земли...

Настя застыла посреди перехода, похожая на соляной столб. Мальчик с гитарой был на месте! И он пел, с каждым словом вливая в ее вены сладкий яд. Сердце то безумно колотилось в груди, то замирало. Девушка чувствовала, что ей плохо. Просто физически нехорошо. Вот шагнет она вперед – и сразу умрет. Упадет на тусклый кафельный пол – и кранты!

Он стоял точно там же, где и всегда. Узкие джинсы, черная кожаная куртка, гитара... Он был таким же одиноким, как она сама. Сказочный мальчик, по замыслу злобного тролля угодивший в грязный подземный переход на утеху людям, не умеющим прочитать в золотом сердце и медовых глазах печальную и трогательную сказку одинокой души. Люди проходили и проходили мимо, и у Насти предательски защипало глаза. Ей вдруг показалось, что он – зеркальное отражение ее самой. Близнец-перевертыш из Зазеркалья. Только вот Манане Гурамовне, наверное, понравилась бы его музыка. Настя чувствовала в ней то, чего, видно, действительно оказались лишены ее Черни и Лист. Это было настоящее живое сердце.

«Надо сказать ему что-то такое, чтобы он сразу догадался, что я не такая, как другие, что я его понимаю», – подумала Настя. Между ними была длинная кишка подземного перехода. Серые стены, равнодушные лица... Как он мог петь свои удивительные песни здесь, в этом ужасном месте, по-

хожем на ад?! Голова кружилась, а ноги казались налитыми свинцом, когда Настя, с трудом преодолевая себя, сделала первый шаг навстречу ему.

«Привет – дурацкое слово. Все говорят друг другу «привет» – и это вовсе ничего не значит. Может, сказать «я пришла»?.. Ну, как будто мы с ним договаривались о встрече или как будто он давно меня ждал... даже не догадываясь об этом. Нет, тупо, все тупо и бессмысленно...» Мысли металась в голове, как стая испуганных голубей, кружащих над крышами.

Шаг. И еще шаг. Расстояние отчего-то не уменьшается, а словно, наоборот, увеличивается, будто она попала в Зазеркалье и каждый сделанный шаг только отдаляет ее от цели, делает лежащую между ними пропасть все глубже и непреодолимей...

Она уже совсем собралась подойти, почти уговорив себя на это... И тут... тут случилось непредвиденное. Мимо Насти, находящейся будто во сне или под действием гипноза, пробежала девушка и, кинувшись к мальчику с гитарой, схватила его за руки и быстро заговорила что-то. Настя не слышала слов, она видела только, как двигаются губы незнакомки, мимоходом отмечая, что она симпатичная. Как раз такая, какие нравятся мальчикам: не слишком полная или худая – фигуристая, с блондинистыми волосами, да и одета не чета Насте – в розовую приталенную курточку, черную юбку и высокие черные сапоги на каблуках. Вовсе не удиви-

тельно, что мальчик с гитарой ласково ей улыбался и что-то горячо говорил в ответ. Из его глаз исчезла былая отстраненность. Он разговаривал с девушкой так, что сразу стало ясно – между ними есть определенные отношения.

Ловить здесь больше было нечего, но Настя так и стояла, потому что не могла сдвинуться с места. Ее ноги словно приросли к полу.

Тем временем мальчик зачехлил гитару, и они вместе с девушкой направились куда-то. Проходя мимо Насти, ее знакомый незнакомец взглянул на нее так, будто ему было неловко.

«Он стесняется перед этой девицей! Боится, вдруг она решит, что мы с ним знакомы!» – мелькнула в Настиной голове мысль.

«Дура!» – сказала себе девушка, переводя взгляд на свою тускло-серую куртку и покрасневшие от ноябрьского холода руки. Разница между ней и блондинкой в розовом была слишком очевидна, чтобы требовались какие-либо пояснения. Щеки Насти мгновенно вспыхнули багровым румянцем. Вот и нечего было даже думать о том, чтобы подойти к нему. Как же хорошо, что она не подошла!.. Она без сил прислонилась плечом к стене и, словно нищенка на паперти собора, смотрела вслед уходящим.

Какой позор! А ведь ей уже начинало казаться, что она нравится мальчику с гитарой. Он смотрел на нее... ей тогда представлялось, что по-особенному, а однажды, кажется, да-

же попытался подойти к ней, но девушка испугалась и убежала. «И правильно, – сказала она себе, – надо же было навоображать столько чепухи! Вот дура!» Настя засмеялась, и смех болью отозвался в пустой груди. У нее не осталось ничего. Ни-че-го! Наверное, так даже легче. Жизнь похожа на пылинку. Стоит только подуть – и она, подхваченная порывом ветра, улетит в тартарары, исчезнет с холодной ладони мироздания.

Настя наклонила голову и решительно зашагала прочь.

* * *

Мир вокруг был черно-белым и смазанным, как на старой-старой фотографии. Он всегда такой, когда смотришь на него сквозь слезы. Редкие прохожие – бессмысленные пятна, как на тестах Рошаха. Попробуй угадай, что это – человек или фонарный столб? А может, лягушка или целующиеся негритянки!

Но Настя и не пыталась угадывать. Она шла по улице, сама ощущая себя таким же чернильным пятном, ошибкой, нечаянной оплошностью. Уравнение решено, результат – отрицательный.

Она очутилась в холодном черно-белом пустом мире, похожем на выброшенный за ненадобностью комикс. Дом, школа, брэнчание на пианино, участвовавшие ссоры с матерью – все это наполняло Настину жизнь. Все это и являлось

ее жизнью, а больше – ничего. Как глупо! «Я не требую от тебя чего-то сложного! Только учись и становись на ноги! А уж я как-нибудь прокормлю нас обеих», – повторяла мама механически, как говорящая кукла, и закуривала очередную сигарету. Как же она не понимала, что Настя уже давно задыхается в этом сером мире, что она нередко с завистью смотрит на модно и дорого одетых одноклассниц, бесконечно шушукающихся и смеющихся. Она хотела бы быть такой же, как они, но не могла и от этого замыкалась еще больше.

Настя не вытирала слез – бесполезно. Они все равно лились дождем. Отказаться от любви – все равно что отказаться от крыльев. Зачем небо, если не умеешь летать?!

Кто-то толкнул ее. Ах да, это она на кого-то налетела. Большое лицо, обрамленное неопрятными завитыми волосами, едва различимо через пелену слез. Отвратительные яркие губы шевелятся. Как хорошо, что у нее в ушах надсадно орет плеер и женщину не слышно!

И снова – улицы, пятна домов и машин. Жизнь, словно змея, свернулась в кольцо, проглотила собственный хвост и зациклилась, как поставленная на повтор песня. Старая песня, которая давным-давно осточертела.

Настя слушала композицию, записанную на телефон в переходе. Его голос, доносящийся через треск помех, казался ей сигналом «SOS», посланным с чужой далекой планеты.

Не умеешь летать – так зачем же, скажи, тебе небо?

Сделай сердце себе из январского белого снега,
Вылей душу свою, как вино, из стакана на пол
И впиши себя в угол квартиры, как шкаф или стол...

Его слова. Его голос. И острое понимание бессмысленности, невозможности встречи. Он всегда будет смотреть поверх нее, мимо нее. Она для него ничто – даже мельче пылинки, плывущей в бездонном космосе.

Он для нее – все. То единственное, что придавало этой жизни смысл. Он заставил ее поверить в сказку, он подарил ей крылья, возносящие в самое небо! Она поверила – и вот лежит разбитая.

Словно в подтверждение собственных мыслей, Настя споткнулась и грохнулась на асфальт, вымазав в грязи джинсы и разбив коленку. Было очень больно и противно, поэтому она даже не попыталась подняться, а села на бордюр, подтянув ноги к самому подбородку, и горько, в голос, зарыдала. Она оплакивала все сразу – и безответную, никому не нужную любовь; и пустую жизнь, в которой *никогда ничего не происходило*; и даже разбитую коленку – еще один знак жестокости окружающего мира. Она плакала и плакала, но наконец иссякли даже ее слезы. Она всхлипнула в последний раз и шмыгнула носом, попутно заметив, как сильно она замерзла. Холодно. Как же холодно! Насте показалось, что она очутилась на Северном полюсе. Ноги одеревенели, а зубы непрерывно выбивали дробь.

Однако у этого были свои положительные стороны: холод привел Настю в чувство. Она подула на руки, растерла пальцы, а взгляд девушки меж тем сфокусировался на странных ботинках, находящихся как раз в поле ее зрения.

Глава 2

Ботинки с пуговицами и желтый шейный платок в придачу

Это были причудливые лаковые ботинки: внизу – черные, наверху – белые, и с пуговичками. Кажется, Настя видела подобные в каком-то старом-престаром фильме. Постепенно до девушки стало доходить, что объект, стоящий перед ней и ранее принимаемый ею за столб, не может быть столбом хотя бы потому, что столбы не носят ботинки на пуговицах. Это и для людей достаточно экзотичная обувь. Настя тут же представила себе обладателя ботинок – прыщавого взлохмаченного юнца, убежденного фрика, таскающего на себе шмотки начала прошлого века. Ее взгляд скользнул по широким серым, в черную полоску штанам, поднялся чуть выше к такому же пиджаку, задержался на сложенных на животе пухлых ручках, свисающей из нагрудного кармана красной гвоздике на переломленном стебле и наконец остановился на шелковом шейном платке. Платок действительно приковывал к себе внимание. Он был ярко-желтого, так называемого канаречного цвета, в черный горох. Кажется, Настя в жизни не видела такой кричащей и неуместной вещи. Попялившись на

фриковский прикид, девушка все-таки подняла глаза к лицу незнакомца, без малейших признаков нетерпения позволявшего ей себя рассмотреть. Лицо удивило ее. Вместо ожидаемой прыщавой физиономии перед ней оказалось добродушное лицо мужчины лет сорока, круглое, с румяными щеками, ярким, видимо накрашенным, ртом-пуговкой и лихо закрученными вверх тонюсенькими усиками. Поймав ее взгляд, незнакомец кивнул и галантно приподнял черную, похожую на котелок шляпу.

«Извращенец! – мелькнуло в голове у Насти. – Типичный старый извращенец! Наверняка любитель мальчиков. От меня-то ему что нужно?»

Мужчина с явным удовольствием потер пухлые руки и подмигнул Насте.

«А может, он владелец борделя, – продолжала неторопливо размышлять девушка. – Этого еще не хватало».

Тот, кажется, хихикнул и постучал пальцами-сардельками по своему уху.

Не к добру. Сразу видно, общаться хочет. Кто может быть хуже психа? Правильно, только общительный псих. Незнакомец, судя по всему, стоял перед ней уже довольно долгое время, а значит, серьезно настроился на разговор, поэтому лучше выслушать, что он скажет, и послать его подальше, не растягивая сомнительное удовольствие.

Настя сняла наушники плеера и устало взглянула на странного типа. Глаза болели, голова раскалывалась, а к гор-

ду подступала тошнота. На редкость мерзостный вечер! Хуже и быть не может!

– Благодарю вас, юная леди, что уделили старому уроду толику вашего драгоценного внимания, – чуть гнусаво выдал отвратительный незнакомец и хихикнул.

Настя моргнула, не зная, что и ответить на это. Обхватив себя руками и стуча зубами от холода, она сидела на бордюре и удивленно пялилась на незнакомца.

– Ах! – Пухлая ручка прижалась к пиджаку где-то на уровне сердца. – Прошу вас, милая барышня, не затрудняйте себя отрицанием того воистину печального факта, что перед вами находится, увы, уже немолодой и лишенный свежего очарования юности тип!

Настя вовсе не собиралась говорить ничего подобного. Забавный уродец, несомненно, был стар. Наверное, лет сорок, а может, даже пятьдесят.

– И простите меня за назойливость, – продолжал он, ничуть не смутившись, – но звон вашего разбитого сердца был слышен аж на том конце улицы, – субъект махнул куда-то рукой, – я просто не мог пройти мимо очаровательной девушки, пребывающей в состоянии такого огромного и всеохватывающего горя!.. Кстати, знаете, – произнес он уже совсем другим тоном, – что сильные эмоции всегда выделяют человека из толпы и привлекают к нему внимание либо добрых волшебников, либо злобных негодяев!

– И вы, конечно, добрый волшебник, – вздохнула Настя,

догадавшаяся, что чудаковатый мужик примется ее утешать.

– Кто? Я? – Он даже подскочил и снова захихикал, как будто услышал весьма смешную шутку. – Ничуть не бывало! А что, похож? Может, вы, милая барышня, так и представляли себе добрых волшебников?

Он попытался принять чинный вид и даже надул от усердия щеки.

– Нет, не похожи. Говорите, что вам нужно, у меня мало времени! – рявкнула Настя, совершенно дезориентированная его поведением. Вообще-то, она была доброй домашней девочкой, но события сегодняшнего дня и странное поведение незнакомца вывели ее из состояния равновесия.

– А жаль, было бы забавно, – расстроился тип, но тут же снова заулыбался. – Да-да, милочка, вы совершенно правы! Дело – прежде всего! Правильно ли я понял, что ваше нежное сердечко пострадало от несчастной любви и все вокруг кажется вам ненужным и бессмысленным? Как там говорится? Ага! «Не умеешь летать – так зачем же, скажи, тебе небо?»

Неужели сумасшедший уродец тоже слышал его песни?!

– Откуда вы это знаете? – спросила Настя, пытаясь размять онемевшие ноги.

– Ну как же, как же! Такой очаровательный молодой человек! Просто переодетый принц!

«Господи! Ну точно больной на всю голову! Наверное, видел меня в переходе... Какой ужас! А вдруг ему тоже нра-

вится тот мальчик?.. Ну бывают же извращенцы...» Девушка поморщилась.

– Нет-нет, не бойтесь! Я вовсе вам не соперник! – поспешил добавить незнакомец, будто прочитав ее мысли. – Напротив, я могу предложить вам нечто, благодаря чему вы, милочка, сможете завоевать сердце объекта ваших нежных девичьих грез!

– В обмен на свою бессмертную душу, – буркнула Настя, опустив голову на колени.

Чокнутый, определенно чокнутый. И что с ним вообще разговаривать?!

– Озорница! – воскликнул незнакомец, отчего-то придя в полный восторг. – Ах, до чего же образованная и утонченная барышня! Так польстить старику!.. Простите, милая, я очень чувствителен. Можно сказать, сентиментален, как изношенная галоша! – Он громко высморкался.

Настя никогда не слышала о том, что изношенная галоша проявляет хоть каплю сентиментальности, но весь спектакль уже начал ей надоедать, поэтому она встала, разминая затекшие ноги, и собралась уже идти прочь, но незнакомец остановил ее:

– Не гневайтесь на старика! Разве я не понимаю, что у вас и вправду сердце разрывается от боли и вы, милая, уже который час бродите по улицам, думая, броситься ли вам с моста или покончить счеты с пустой жизнью с помощью, так сказать, современных средств, именуемых автомобилями? «Я

сотку себе крылья из звезд и зари»... ну и прочее хлюпанье.

Прозвучавшие из чужих уст ее собственные мысли обрушились на Настю, словно груда камней. Все верно. Чувство реальности уже давно плыло, а теперь его последние остатки помахали ей ручкой и укатили в неизвестном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.